

ЛЕКСЕМЫ ГРЕХ И ДОБРОДЕТЕЛЬ В ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ: УЗУАЛЬНЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ

А. В. Некрасова

В статье рассматриваются узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем *грех* и *добродетель* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Размышлениях о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя, что позволяет уточнить своеобразие мировоззрения писателя, его взгляды на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, *грех*, *добродетель*, лексико-семантическое поле, узуальные и контекстуальные значения и смыслы, «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии».

Поздние произведения Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) и «Размышления о Божественной Литургии» (1857 – цензурованная рукопись, 1889 – подлинная), которые в жанрово-тематическом отношении принято рассматривать как произведения духовной прозы, представляют особый интерес для выявления особенностей его мировоззрения, его взглядов на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития.

Гоголевская картина мира антропоцентрична, а следовательно, как мы уже отмечали ранее, «антропоцентрическая реконструкция лексико-семантических структур языка в целом либо отдельного словесного произведения <...> носит лингвоперсонологическую направленность, позволяя выявить существенные особенности <...> языковой личности...» [9, с. 86]. В то же время картина мира позднего Гоголя в том виде, как она предстает в произведениях духовной прозы, христоцентрична, ее специфически православные христианские

особенности в данной статье рассматриваются на основе выявления узуальных и контекстуальных значений и смыслов лексем *грех* и *добродетель*, в которых совмещаются сакрально-религиозные и секулярные компоненты.

Узуальные (из лат. *usus* ‘правило, норма’) – это такие общепринятые, социально нормативные значения, которые представлены в кодифицированном литературном языке и отражены в толковых словарях. Контекстуальные или окказиональные (из лат. *occasionalis* ‘случайный’) значения и смыслы выходят за пределы нормативно-привычного, обусловлены личностным опытом, проявляются в специфических контекстах.

В словаре В. И. Даля *грех* толкуется как (1) поступок, противный закону Божию; вина перед Господом; (2) вина или проступок; ошибка, погрешность; (3) беда, напасть, несчастье, бедствие (за грехи); (4) то, что грешно, греховно [4, т. 1, с. 402].

В современных словарях *грех* трактуется следующим образом: 1) предосудительный поступок [7; 10; 14]; 2) преступление [14]; 3) ошибка, недостаток [7]; 4) нарушение религиозно-нравственных предписаний (религ.) [7; 14]; 5) разг. То же, что *грешно* [14]; 6) перен. устар. Беда, несчастье [7]. Значение «нарушение воли Бога» сопровождается пометой «у верующих».

Этимологические словари [15, с. 216; 17, с. 114–115; и др.] фиксируют мотивирующие признаки ‘ошибка’, ‘заблуждение’, ‘путаница’, ‘кривой / косой’, ‘промахиваться’, ‘провиниться’. Версия с **grěchъ* – **grěti* ‘горение, жжение (совести)’, как смутное ощущение жжения, боли от неправоты, разлада с самим собой и с окружающими, отдаления от Бога, появляется позднее, в христианстве.

Русская лексема *грех*, вслед за представлением о грехе как о предосудительном поступке, изначально связана с религиозной сферой, далее с секулярной. По православному вероучению и основывающейся на нем религиозной этике, «грехом на богословском языке грехом называется всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение Закона Божия, беззаконие» [16, с. 820]; грех – это «нарушение действием, словом или мыслью дан-

ного Богом нравственного закона, религиозно-нравственных правил, заповедей; поступок, свидетельствующий о таком нарушении» [12, с. 115].

В секулярной сфере толкование греха связывается с утратой исходного представления об обусловленности моральных норм религиозными чувствами и предписаниями, *грех* здесь понимается как нарушение делом норм человеческого общежития, как нарушение нравственных, этических, юридических норм, формируемых социумом.

В тексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 12 словоформ с дескрипторным компонентом *грех*- и 6 с *греш*-; всего 3 лексемы с *добродетел*-. В «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено 17 лексем с дескрипторным компонентом *грех*-, 22 с *греш*- (из них 3 с приставкой *без*-) и 3 с *добродетел*-.

Лексемы *грех* и *добродетель* и однокоренные им наличествуют в 45 гоголевских фрагментах.

В ходе лексико-семантического анализа данных фрагментов нами выявлены следующие узусуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем с корневой морфемой *грех*- / *греш*- (выделения курсивом в последующих цитированиях сделаны мною. – А. Н):

1) 'нарушение закона Божьего, жизнь не по заповедям вследствие непонимания своей греховности, нравственной слепоты' («*Грешит* нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но *грешит* не от преизобилья своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел *грешить*, но оттого, что не видит *грехов* своих. Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все *грешат* до единого, но *грешат* не прямо, а косвенно» [3, с. 94]; и др.);

2) 'недооценка собственной необходимости, неприменение способностей во благо России' («Говорю вам, что с этим вашим свойством вы теперь слишком нужны России... и *грех* вам, что вы даже не слышите этого! *Грех* был бы и мне, если б я не выставил вам этого свойства» [Там же, с. 91]);

3) 'не пытаться понять проблемы современности в свете вечной истины и небрежное отношение к собственному таланту, растрата его' («Ради Бога, не оставляй начатого дела! Перечитывай строго Би-

блию, набирайся русской старины и, при свете их, приглядывайся к нынешнему времени. Много, много предстоит тебе предметов, и *грех* тебе их не видеть. Жуковский недаром доселе называл твою поэзию восторгом, никуда не обращенным. Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда как она дана тебе на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы» [Там же, с. 69]];

4) 'неумышленное причинение зла другому человеку вследствие неисполнения должностных обязанностей' («Устройте же это дело; не то – *грех* будет на вашей собственной душе. С моей души я уже снял его этим самым письмом; теперь он повиснул на вас» [Там же, с. 122]];

5) 'незнание России посреди России' («По поводу «Мертвых душ» могла бы написаться всей толпой читателей другая книга, несравненно любопытнейшая «Мертвых душ», которая могла бы научить не только меня, но и самих читателей, потому что – нечего таить *грехи* – все мы очень плохо знаем Россию» [Там же с. 76]];

6) 'склонность к греху' («Не меньше замечателен другой тип: отъявленный мерзавец Загорецкий, везде ругаемый и, к изумлению, всюду принимаемый, лгун, плут, но в то же время мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставлением ему того, к чему он *греховно* падок...» [Там же, с. 185]];

7) 'сокрушение по смерти человека' («Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и *грех* себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой» [Там же, с. 10]];

8) 'нарушение заповедей Божиих, совершенное уже умершими христианами' («Затем берет иерей последнюю просфору, изъе́млет из нее частицы в поминовение всех умерших, прося в то же время об отпущении им *грехов* их, начиная от патриархов, царей, создателей храма, архиерея, его рукоположившего, если он уже находится в числе усопших, и до последнего из христиан, изъе́мля отдельно во имя каждого, о котором его просили, или во имя которого он сам восхо́чет изъять» [Там же, с. 355]; и др.);

9) 'смертные грехи' («Он Сам сказал: Аз есмь хлеб, и ядый меня не умрет. Словом: остави нам долги наша, мы просим и о снятии с нас всех тяжких *грехов* наших, на нас тяготеющих, – просим проще-

няя нам всего того, чем задолжали мы Самому Творцу в лице братии наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии» [Там же, с. 384]);

10) 'предосудительные поступки' («Всюду могут случиться прощмотры, неправда может проскользнуть везде; за самим губернатором могут завестись *грехи*» [Там же, с. 143]).

Признаки 1, 6–9, которые целесообразно обобщить как «нарушение действием, словом или мыслью заповедей Бога; поступок, свидетельствующий о таком нарушении», наиболее непосредственно соотносятся с сакрально-религиозным мировоззрением.

Признаки 2–5 связаны с идеей общественного служения, прежде всего служения своей родине – России, с представлением о необходимости приносить пользу ближним и обществу «на своем месте», через исполнение своего предназначения «поработать Христу» (контексты: писательский талант Н.М. Языкова; высокий государственный пост графа А.П. Толстого и т. д.).

Лексема *грех* в случаях 2, 3, 5 входит в состав фразеологических единств (*братъ грех на душу, грех не видеть, нечего греха таить*), значения которых основываются на прямых номинативных значениях существительного *грех*.

Признак 10 соотносится с секулярным представлением о грехе.

Добродетель в словаре В.И. Даля толкуется как (1) доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла; (2) отвл. Добро, доблесть [4, т. 1, с. 444].

В современных словарях *добродетель* трактуется следующим образом: 1) положительное нравственное качество или поведение человека, высокая нравственность, отсутствие греха и порока [6; 7; 10; 13; 14]; 2) противоп. устар. Доброе дело, благодеяние [7].

Старославянское по происхождению сущ. *добродетель* представляет собой кальку с др.-греч. ἀγαθοποιᾶ 'добрые дела' (ἀγαθο-ποιεῖω – букв. 'творить добро, хорошо поступать', из ἀγαθόν 'благо, добро; хорошие качества, достоинства; благодеяние, польза' [5, с. 16]) или καλὸ-ποιεῖω (букв. 'творить добро' [Там же, с. 868]), сформированную сложением с суффиксацией: *добр-о* + *де-яти* + *-тель*. Праславянские

реконструируемые формы **dobrŏ* ‘хороший, добрый, отзывчивый’ и **dě(ja)ti* ‘ставить, класть, делать’ [15, с. 258; 18, с. 230; 19, с. 46] дают следующие мотивирующие признаки: ‘услуга / благодеяние’, ‘доблесть / храбрость / мужество’, ‘нравственное совершенство’, ‘делать / говорить соответствующее / безупречно’, ‘творить добро’.

Русская лексема *добродетель*, в соответствии с представлением о добродетели как основоположении нравственности, изначально связана с религиозной сферой. В современной русской речи это слово редко выходит за рамки употребления в церковно-религиозном контексте. По христианскому учению о добродетели, исходящему из этико-богословского понимания бытия человека, основополагающими добродетелями считаются имеющие абсолютно бескорыстный характер «устремленность к добру, отвержение зла» [12, с. 129], «исполнение евангельских заповедей, склонность к добру» [2, с. 96; 8, с. 42]; достижение целей христианской жизни возможно «только стяжанием специфически христианских добродетелей – веры надежды, любви – по примеру Христа» [11, с. 473].

В ходе лексико-семантического контекстуального анализа гоголевских фрагментов нами выявлены следующие узусальные и контекстуальные значения и смыслы лексем с основой *добродетел’*:-

1) ‘одно из высших проявлений нравственной чистоты’ («Во мне не было какого-нибудь одного слишком сильного порока, который бы высунулся видней всех моих прочих пороков, все равно как не было также никакой картинной *добродетели*, которая могла бы придать мне какую-нибудь картинную наружность...» [3, с. 82]; и др.);

2) ‘семейные добродетели’, согласующиеся с пятой заповедью блаженства «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5: 5) («Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: “У нас все есть – и семейная жизнь, и семейные *добродетели*, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивление всем”» [Там же, с. 197]);

3) 'Бог' («И обкадив второй покров, покрывает им Святую Чашу, произнося: Покрыла небеса, Христос, Твоя *добродетель*, и хвалы Твоей исполнилась земля» [Там же, с. 356]);

4) 'смирение', согласующееся с первой заповедью блаженства «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5: 3) («И приступает священник к поминанию всех пред лицом Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, в том виде и порядке, как вспоминались все на Проскомидии, начиная с Богопресвятой, Пречистой Матери, Которую тут же вся Церковь убажает, вместе с ликом, хвалебную песнью, как Предстательницу за весь род человеческий, как единственную удостоившуюся, за высокое смирение свое, понести в себе Бога, – чтобы каждый в эту минуту слышал, что высшая *добродетель* – смирение, и в сердце смиренного воплощается Бог» [Там же, с. 382]);

5) 'Богоматерь' («Да внесет каждый из предстоящих смиренье в душу свою и совершится в нем также духовное воплощение Самого Христа по слову апостола: "Сам Христос вообразится в нем". Вот почему и пророки, и евангелисты, и великие Отцы церковные, и все совершеннейшие из святых, бывшие при жизни органами Духа Божия, уступили место смиренной Деве. Вот почему и Церковь величает Ее Царицею, так же, как и самое смиренье есть царица всех *добродетелей*; представительница же этого смиренья есть одна Она, Чистейшая, Богоматерь» [Там же, с. 402–403]).

Названные признаки целесообразно обобщить как 'деятельное добро', 'богосовершенствование', они отображают церковно-религиозное представление о добродетели как устремленности к добру – необходимом нравственном качестве подлинного христианина. Невысокую частотность употребления лексемы *добродетель* в исследуемых произведениях Гоголя следует интерпретировать как «проявление особо трепетного отношения к именуемому» [1, с. 280], ибо добрые качества завоевываются трудной любовью к Богу и России, требуют долгих усилий – «Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них <добродетельных людей> походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств...» [3, с. 86].

Высокий процент религиозной составляющей в выявленных контекстуальных значениях и смыслах лексем *грех* и *добродетель* у Гоголя позволяет говорить, что для писателя социальная и духовная жизнь России, ее прошлое, настоящее и будущее мыслимы лишь при опоре на основополагающие принципы христианства. Всякое отклонение от христианского вероучения и христианской жизни – неверный путь, искажение, источник неустройства и гибели.

Список литературы

1. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
2. Воскобойников В. М. Иллюстрированная православная энциклопедия: Толкование обрядов и символов. Описание главнейших православных святынь. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. М.; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 744 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998.
5. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1043 с.
6. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: А-О. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
8. Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Понятия духовной сферы: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2006. 160 с.
9. Некрасова А. В. Реконструкция текстового лексико-семантического поля как метод изучения духовной прозы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3 С. 86–91.

10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2018. 1376 с.
11. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 15. М.: Православная энциклопедия, 2007. 752 с.
12. Складаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981.
14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.
15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2001. 624 с.
16. Энциклопедический словарь : В 86 т. / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 9А. СПб.: Типо-лит. И. А. Эфрона, 1893. 977 с.
17. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. 224 с.
18. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. 235 с.
19. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. 233 с.